

Ю.А. Сорокин

Институт языкознания Российской Академии Наук, г. Москва

Yu.A. Sorokin

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow

НУЖНА ЛИ НАМ ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ?

DO WE NEED LINGVOECOLOGY?

Ключевые слова: язык, речь, лингвоэкология, знак, сценарий

Keywords: language, speech, lingvoecology, sign, script

Лингвоэкология является одним из существенных компонентов глобальной экологии, задачи которой весьма специфичны. Для нее также важны деструктемы как номогенетического так и ортогенетического характера.

Lingvoecology is an essential component of global environment which proplems are very specific. Nomogenetic destructemes and ortogenetic destructemes also are important for lingvoecology.

I. На первый взгляд существование такой «стыковой» дисциплины вряд ли оказывается оправданным, ибо, например, и стилистика (совокупно с «культурой речи и теорией языковых/речевых ошибок), и лексикография, и социолингвистика отслеживают и фиксируют отклонения/деформации (деструктемы), возникающие в процессе межличностного и текстового общения и оцениваемые как нежелательные в этом процессе. Оправданность существования лингвоэкологии зависит также от того, как квалифицировать язык/речь – в качестве природного (натурального) или неприродного (изобретенного) образования: во втором случае контроль за «изобретением» вполне обоснован и оправдан, в первом – он вряд ли возможен и необходим, ибо языку/речи как организму нельзя навязать тот цикл развития, который не исходит из его телеологических установок. Во втором случае лингвоэкология не только необходима, но и неизбежна, в первом – нежелательна: «врачу исцелился сам». Возможен также и компромиссный подход: язык/речь есть природно-неприродное/гибридное образование, совмещающее в себе признаки, возникшие в результате взаимодействия ГЕННЫХ и МЕМНЫХ «механизмов». Сбои/смещения в их работе являются таковыми лишь с посторонней (человеческой) точки зрения (с точки зрения наблюдателя), а на самом деле они являются бифуркативами, а, точнее говоря, их симптомами, указывающими на возможные апробируемые пути развития языкового/речевого мультиобразования. Говоря иначе, эти симптомы есть не что иное, как знаки латентных пространств разногласия, оппозиций, обеспечивающих «... дополнительное развитие поля высказываний ...» (Фуко, 1996: 155) и его реорганизацию.

2. Лингвоэкология, несомненно, является одним из существенных компонентов того, что П. Сериио называет глобальной экологией, но ее, лингвоэкологии, задачи весьма специфичны: для нее важны деструктемы и номогенетического, и ортогенетического характера, так как она имеет дело с объектом, в котором неравновесное напряжение (В.И. Вернадский) сочетается с равновесным напряжением. Иными словами, это такой объект, в котором организованность сочетается с хаотичностью (энтропийностью), а спонтанная самодостаточность – с имплантируемыми в него посторонними поправками (например, с орфографическими реформами, пытающимися заменить вживленное прижившееся с возможно несовместимым) и фокусировкой внимания на отдельных фрагментах тела языка/речи, представляющихся наиболее конститутивными (таков, например, «Русский словарь...» А.И. Солженицина (Солженицин, 1990)).

3. Наряду с такого рода словарем диагностирующее значение для лингвоэкологии имеют и другого рода материалы, свидетельствующие о коллективно-групповых тактиках игры с языковыми/речевыми фактами. К их числу относится, например, словарь «Сленга хиппи» (Рожанский, 1992) или «Обратный деривационный словарь русских новообразований» (Кудрявцева, 1993), свидетельствующие и о когнитивных сдвигах в сознании носителей языка/речи, «ибо когнитивные процессы первоначально развиваются независимо от коммуникации. Язык имеет как бы двойное существование: во-первых, в звуковой и письменной речи и, во-вторых, в мышлении. Поэтому результаты когнитивных процессов могут оказывать на речь исключительно сильное влияние» (Кликс, 1983: 273). Такого рода сдвиги, опредмеченные в языковой /речевой материи, несомненно, носят аномический (по Э. Дюркгейму) и, тем самым, творческий, а не номический характер (см. в связи с этим: Бергер, Лукман, 1995: 161-190). На мой взгляд, вещь, входящая в символический универсум в той же степени «...внемысленна, но мыслима, невосприимательна, но воспринимаема, внеощутительна, но ощутима» (Лосев, 1997: 182), как и внесимволическая вещь, причем «... мышление, восприятие, ощущение, чувствование и т.д. вещей только и возможно при помощи их имен, через эти имена» (Лосев, 1995: 183). По мнению А.Ф. Лосева, важен также и тот факт, «... что то понимание, которым оно в основе своей является, в свою очередь, кем-то должно быть понято, кем-то должно быть немедленно переведено из потенции в энергию. Это может сделать сама вещь, которая носит данное имя; это может сделать и то, что окружает данную вещь и стремится общаться с нею. Важно только, чтобы было это новое понимание и наличие нового субъекта. Поэтому имя есть не просто понимание, но понимание понимания; (Лосев, 1995: 199).

Иными словами, аномическое имя является знаком понимания когнитивного сдвига, его интерпретационной вербальной рамкой, позволяющей «внутреннему» пониманию (эндопониманию) стать доступным и пониманию извне (экзопониманию).

Анализируя соотношение понятия экзофрастии (образование содержания) и эндофрастии (образование формы), предложенное Г. Гийомом, Е.А. Реферовская считает, что «эндофрастия наличествует там, где образование формы слова требует предварительного представления о будущей фразе; экзофрастия – там, где слово для получения своей окончательной формы не нуждается в опоре на фразу, а вырисовывается полностью в сознании как абстракция, не связанная с предвосхищением будущей речи, то есть оно находится в языковом сознании до начала собственно речевой деятельности» (Реферовская, 1997: 54).

На мой взгляд, этим двум понятиям можно дать и несколько иное – более широкое – истолкование. Экзофрастия – это не что иное, как любой аномический/инновационный когитивно-когнитивный сдвиг в сознании носителя/носителей языка, а эндофрастия – его фиксация с помощью тех или иных вербальных (и невербальных) средств. Процессы экзофрастии и эндофрастии – непараллельны, асукцессивны; они провоцируют и взаимно поддерживают друг друга.

3. Оценка аномического сдвига и его вербальной фактуры – весьма сложный вопрос, решение которого зависит от глубинных предпочтений языкового/речевого организма и умения носителей языка учитывать эти предпочтения. Тем не менее, допустимо предположить следующее: креативные/творческие решения повышают надежность и эффективность речевого организма и заносят в матрицу его долговременной памяти. А квазикреативные решения вносят в нее когитивно-когнитивные шумы, дестабилизирующие ее работу. Таковы, например, рекламные высказывания типа «молодость ваших ног» и «кухни вашего вкуса» или такого рода художественные решения: «... одна его рука действует под ее юбкой ...», «на пустые кресла рабочие сцены надевают полиэтиленовые покрывала», «слышно, как ключ ковыряет замок», «Наташа спускается руками на пол...», «зритель в этой сцене превращается в слушателя, и поэтому тоже – комедия для чтения», «... уже не позвонишь обратно...», «так пускай они спокойно расправляют над делом». (Язык и действие..., 1991: 25, 25-26, 48, 50, 54, 63, 9). Если учитывать, что память языкового/речевого организма является не только эндофрастической памятью, но памятью, накапливающей и учитывающей аксиологические веса фактов и поступков/событий, то оказывается допустимым считать вышеприведенные высказывания в качестве таких вербальных и невербальных «сценариев», в которых СЛОВО противоречит ПОСТУПКУ, а ПОСТУПОК – СЛОВУ. Не менее показательны и нижеследующие рекомендации (для девушек), в которых и СЛОВА, и ПОСТУПКИ оказываются предельно размытыми (лишенными референциальной значимости): «10. Расстиланье постели различными способами для разнообразных случаев и целей, 50. Просматривание книг специальным методом, 58. Различные виды физических упражнений» (Белый Лама ..., 2001: 14, 1).

4. Именно такого рода «сценарии» и должны находиться в поле внимания лингвоэкологии, фиксирующей нежелательные языковые/речевые

(и неречевые) сдвиги (см. в связи с этим также: Горбаневский, Карчулов, Шаеклеин, 2000) в сознании носителя русского языка и выявляющей меру их деструктивности для этнических моделей вербального и невербального поведения. Иными словами, главная задача лингвоэкологии заключается в разумном корректировании соотношения номического и аномического, а также в том, чтобы чужая речь не стала энкратической (имеющей власть), а наша – акратической (не имеющей власти) (см. по этому поводу: Барт, 1989).

Литература

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
2. Белый Лама В. Востоков Искусство любви. – СПб.: Диля, 2001. – 224 с.
3. Бергер П., Т. Лукман. Социальное конструирование реальности. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
4. Горбаневский М.В., Караулов Ю.Н., Шаеклеин В.М. Не говори шершавым языком. О нарушениях норм литературной речи в электронных и печатных СМИ. – М.: Галерея, 2000. – 272 с.
5. Клике Ф. Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта. – М.: Наука, 1983. – 301 с.
6. Кудрявцева Л.А. Обратный деривационный словарь русских новообразований. – Киев: ГОУ ВПО УГТУ, 1993. – 155 с.
7. Лосев А.Ф. Имя. Избранные работы. Переводы, беседы, исследования, архивные материалы. – СПб.: Алетейя, 1997. – С. 551 – 579.
8. Реферовская Е.А. Философия лингвистики Гюстава Гийома. Курс лекций по языкознанию. – СПб.: Академический проект, 1997. – 128 с.
9. Рожанский Ф.И. Сленг хиппи. Материалы к словарю. – СПб. – Париж: Изд-во Европейского дома, 1992. – 64 с.
10. Солженицын А.И. Русский словарь языкового расширения. – М.: Наука, 1990. – 272 с.
11. Фуко М. Археология знания. – Киев: Археология знания, 1996. – 195 с.
12. Язык и действие (пьесы) – М.: Искусство, 1991. – 125 с.

References

1. Bart R. Selected Works . Semiotics . Poetics . - Moscow: Progress Publishers , 1989 . - 616 .
2. Bely Lama V. Vostokov Art of Love . - St. Petersburg. : Diehl , 2001 . - 224 .
3. Berger, P., Luckman . Social construction of reality . - M: Medium , 1995 . - 323 .
4. Gorbanevsky M.V., Karaulov J.N., Shaklein V.M. Do not say rough language com \neg . About violations of literary language in the electronic and print media. - M.: Gallery , 2000 . - 272 .

5. Klike F. Awakening thinking. At the root of the human intellect. - Moscow: Nauka , 1983 . - 301
6. Kudryavtseva L.A. Reverse derivation dictionary Russian neoplasms. - Kiev : HPE UGTU , 1993 . - 155 .
7. Losev A.F. Name . Selected Works . Translations , interviews , research , archival materials . - St. Petersburg. : Aletheia , 1997 . - S. 551 - 579.
8. Referovskaya E.A. Philosophy of Linguistics Gustave Guillaume . Lectures on linguistics. - St. Petersburg. : Academic Project , 1997 . - 128 p.
9. Rozhanskaya F.I .Slang hippies. Materials to the dictionary . - St. Petersburg. - Paris Univ European House , 1992 . - 64 .
10. A.I. Solzhenitsyn Russian dictionary of language extensions. - Moscow: Nauka , 1990 . - 272 .
11. M. Foucault, The Archaeology of Knowledge . - Kyiv : The Archaeology of Knowledge , 1996 . - 195 .
12. Language and action (plays) - M. Arts, 1991 . - 125 .

(0,25 п.л.)